

На правах рукописи

Кривко Роман Николаевич

**ТЕКСТОЛОГИЯ
И ЯЗЫК СЛАВЯНСКИХ
СЛУЖЕБНЫХ МИНЕЙ
XI–XIV ВВ.**

Раздел 10.00.00 – филологические науки

Специальность 10.02.03 – славянские языки

**Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора филологических наук**

Москва, 2016

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки «Институт славяноведения Российской академии наук» (ФГБУН ИСл РАН) в Отделе славянского языкознания.

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук **Соболев Андрей Николаевич**
(ФГБУН «Институт лингвистических исследований РАН», г. Санкт-Петербург, ведущий научный сотрудник Отдела сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований)

доктор филологических наук **Афиногенов Дмитрий Евгеньевич**
(ФГБУН «Институт всеобщей истории РАН», г. Москва, ведущий научный сотрудник Центра истории Древнего Востока)

доктор филологических наук **Новак Мария Олеговна**
(ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Институт филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого, доцент кафедры русского языка и прикладной лингвистики)

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУВО СПбГУ), факультет филологии и искусств.

Защита состоится «_____» _____ 2016 г. в 15:00 час. на заседании диссертационного совета Д 002.248.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук и кандидата филологических наук при Институте славяноведения РАН по адресу: 119991 г. Москва, Ленинский проспект, д. 32а, корпус «В», 9 этаж, ауд. 901–902.

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном совете Института славяноведения РАН и на сайте ИСл РАН

Автореферат разослан «_____» _____ 2016 г.
размещен на сайте ИСл РАН <http://www.inslav.ru> и сайте ВАК при МОН РФ

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

М.М. Валенцова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена истории текста и языковых особенностей славянских служебных миней среднеболгарского, древнесербского и древнерусского изводов XI—XIV вв., описанию засвидетельствованных и реконструкции утраченных звеньев языковой и текстологической традиции этой группы рукописей, которая по количеству памятников уступает только Священному Писанию. Текстологические и лингвистические аспекты заимствования и восприятия византийской гимнографии церковнославянской традицией рассматриваются в связи с историей формирования региональных и временных изводов (редакций) церковнославянского языка.

Степень разработанности темы определяется наличием нескольких научных направлений в изучении и издании древних церковнославянских гимнографических текстов. В первую очередь необходимо отметить работы С. Кожухарова, Г. Попова, М. Йовчевой, А.А. Турилова, Кл. Ивановой, О.А. Крашенинниковой, в которых описано и опубликовано значительное количество оригинальных древнеболгарских гимнографических текстов рубежа девятого — десятого веков, большинство из которых надёжно атрибутировано Клименту Охридскому, Константину Болгарскому и Науму Охридскому или неизвестным авторам их круга или школы. Изученность переводных текстов определяется прежде всего наличием критически изданных источников древнерусского извода, которые восходят к разным пластам более ранней традиции Первого Болгарского царства: древнейших славянских датированных служебных миней типографского собрания РГАДА ок. 1095—1097 гг. (В. Ягич), значительной части служебных миней третьей трети XII в. Синодального собрания (издания серии «Patristica Slavica», подготовленные Г. Роте, Е.М. Верещагиным, Д. Кристианс, М.А. Моминой, В.С. Томеллери и др.), Путятиной минеи (издания М.Ф. Мурьянова, Л.И. Щёголевой, В.А. Баранова и В.М. Маркова), Ильиной книги (издания В.Б. Крысько и Е.М. Верещагина) и Ирмология (издания и исследования Э. Кошмидера и Х. Ханника). Изучены фрагменты сербской традиции, связанные в том числе с текстологической рецепцией ранних пластов истории текста служебных миней в древнесербской литературе (А.А. Турилов, Т. Суботин-Голубович,

И. Шпадиер), созданы историко-типологические описания славянского Октоиха (О.А. Крашенинникова, И.Е. Лозовая, М. Йовчева), Триоди (М.А. Момина), Ирмология (Х. Ханник). Благодаря историко-литургическим исследованиям и публикациям литургических источников (Х. Ханник, А.М. Пентковский, свящ. М. Желтов, Т.И. Афанасьева) выявлены многочисленные неконстантинопольские элементы в структуре и составе богослужебных книг византийского обряда, указывающие на западновизантийский литургический ареал как источник заимствования древнейших славянских богослужебных традиций. Терминология древнейшего текстологического пласта в служебниках указывает на сильное латинское (романское) и германское влияние (Т.И. Афанасьева), что свидетельствует о непосредственной языковой преемственности древнейшей части литургической письменности Первого Болгарского царства по отношению к моравско-паннонскому лексическому узусу, который формировался в непосредственном контакте с латинской и германской языковой средой. Благодаря изучению языковых особенностей древнерусского гимнографического корпуса (В.Б. Крысько, А.А. Пичхадзе, М. Йовчева, Е.М. Верещагин) установлен ряд его морфологических, словообразовательных и лексических особенностей, которые, с одной стороны, указывают на непосредственную связь с моравско-паннонским церковнославянским узусом (напр., архаичные особенности в морфологии глагола и в словообразовании, а также обилие лексических грецизмов в древнейших редакциях гимнографических текстах, заменяемые в младших редакциях на инновационные формы и славянские лексемы, в том числе морфемные кальки), с другой — свидетельствуют об особой языковой традиции, которая не имеет надёжных параллелей в составе старославянского корпуса и не тождественна ни языковому узусу древнейших редакций Евангелия, Псалтири и Паримийника, ни правленным редакциям этих книг, созданным, как считается, в русле древневосточноболгарской Преславской книжной школы.

Изучение древней церковнославянской гимнографии с лингвотекстологической точки зрения может проводиться только на основе сопоставления с византийской традицией. В этой области благодаря исследованиям и изданиям Ж.-Б. Питра, Э. Веллеса,

Э. Фоллиери, Ж. Гродидье-де-Матона, Дж. Скиро, Х. Ханника, А. Спаноса, А.Ю. Никифоровой определены основные этапы в истории византийской гимнографии, созданы фундаментальные указатели и базовые издания, установлены отличительные признаки служебной минеи как типа богослужебного сборника, изучены с историко-литературной точки зрения основные гимнографические школы и традиции (палестинская, или иерусалимская, ита-ло-греческая, константинопольская), определена абсолютная хронология возникновения византийской служебной минеи как типа богослужебного сборника (конец IX в.) и доказана его связь с константинопольской традицией. Особую проблему в изучении византийской гимнографической традиции представляет каталогизация рукописных служебных миней, состав подавляющего большинства которых до сих пор остаётся неясным. Исключение составляют работы Г. Хунгера, Х. Ханника (собрания Австрийской Национальной библиотеки), С. Лиллы (часть собраний Ватиканской апостолической библиотеки), А. Спаноса (собрание Лесбосского монастыря). Важнейшим препятствием для сопоставительного изучения византийско-славянской служебной минеи является отсутствие исторической типологии этого сборника, которая бы учитывала жанровый состав и структуру рукописей разного регионального и временного происхождения, что позволило бы сопоставлять их со славянской традицией.

Таким образом, **актуальность** настоящего диссертационного исследования обусловлена:

- 1) отсутствием работ по лингвистической истории текста служебных миней, которые бы учитывали взаимосвязь между языковыми особенностями рукописей и их исторически обусловленным составом и структурой;
- 2) необходимостью систематического сопоставления византийских и славянских рукописей служебных миней с помощью единой системы формальных признаков, учитывающих жанровый состав рукописей и расположение жанров;
- 3) важностью установления связи между историческими типами византийско-славянской служебной минеи и формированием региональных и временных изводов (редакций) церковнославянского языка;

4) необходимостью дальнейшего выявления внешних, историко-культурных, факторов языковых изменений на материале церковнославянского языка как литературного языка славянского Средневековья.

Методологической основой исследования является классический инструментарий сравнительно-исторического языкознания и исследований в области истории славянских литературных языков. Особое внимание в работе уделяется внешней языковой истории, что позволяет рассматривать исторические типы славянских служебных миней не только в контексте формирования изводов (редакций) церковнославянского языка, но и в связи с византийско-славянскими литургическими и, шире, культурно-политическими контактами.

Новизна предлагаемого подхода состоит в соединении принципов сравнительно-исторического языкознания, текстологии, кодикологии и палеографии, благодаря чему создаётся лингвистическая история объёмной группы текстов, изученных на основе хронологически и регионально неоднородных рукописных традиций IX—XIV вв. Само по себе применение лингвистического анализа в исследовании истории и локализации текстов представляет собой традиционное направление в палеославистике (А.М. Молдован, А.А. Пичхадзе, Й. Ранхарт, Т.В. Пентковская), новым в нашем исследовании является единовременное изучение десятков разнородных рукописных источников и их описание параллельно с византийской рукописной традицией служебных миней, не изученных с историко-типологической точки зрения.

Выдвигается **гипотеза** о том, что образование каждого исторического типа славянской служебной миней обусловлено влиянием со стороны византийской традиции, в связи с чем каждый такой тип является отражением соответствующего византийского образца; предполагаем при этом, что византийские образцы славянских служебных миней отражали разные региональные традиции внутри византийского литургического ареала IX—XIV вв., который представляется внутренне неоднородным; выбор той или иной византийской региональной модели какой-либо частью церковнославянской традиции является семиотически значимым для описания того или иного типа церковнославянской письменной культуры рассматриваемого периода. **Вторая гипотеза** заключается в том, что каж-

дый исторический тип славянской служебной минеи обладает совокупностью языковых признаков как книжного, так и диалектного свойства, что в принципе отличает церковнославянскую текстологическую традицию переводных текстов от византийской и позволяет более уверенно судить о локализации исторических типов гимнографических сборников в пределах славянского языкового ареала. Согласно **третьей гипотезе**, образование исторических типов славянской служебной минеи происходит в связи с формированием изводов церковнославянского языка XI—XIV вв. Наконец, справедливость первой и третьей гипотез предполагает возникновение **четвёртой гипотезы**, согласно которой формирование региональных и временных изводов (редакций) церковнославянского языка является одним из культурных последствий византийско-славянских литургических контактов, которые, в свою очередь, отражают более общие процессы регулярных внешних воздействий на славянскую культуру, приводящих, в частности, к появлению новых письменных идиомов.

На защиту выносятся **следующие положения**:

1. Древнейший пласт церковнославянской минеи, следы которого сохранились в позднейшей рукописной традиции, был образован оригинальными авторскими текстами, парафрастическими переводами и подражаниями Климента Охридского, Константина Болгарского, Наума Охридского и, возможно, ряда неизвестных авторов их школы или круга, что позволяет уверенно датировать этот корпус текстов рубежом IX—X вв. Этот корпус был образован так называемой «общей минеей» Климента и службами наиболее значимым праздникам. Сочетание этих текстов позволяло совершать богослужение ежедневно, что указывает на появление древнейшего славянского гимнографического корпуса в русле монастырской, а не кафедральной (приходской), традиции, которая обеспечила использование церковнославянского как богослужебного языка византийского обряда.
2. Древнейший церковнославянский гимнографический корпус характеризуется специфическими формами подражания византийской гимнографии, которое происходило прежде всего на уровне поэтики, топики, жанровых форм, ритма и метра.
3. Характерные фонетические (прослеживаемые по акростихам), лексические и морфологические особенности древнейшего кор-

пуса свидетельствуют о его появлении на юго-западе Балканского языкового ареала, в западных регионах Первого Болгарского царства. Некоторые жанровые и терминологические особенности древнейшего корпуса указывают на то, что его типологическим прототипом стал архаический региональный (неконстантинопольский) тип византийской служебной минеи.

4. В ходе формирования славянского богослужения византийского обряда с опорой на архаические региональные (неконстантинопольские) типологические образцы складывается древний юго-западный извод церковнославянского языка рубежа IX—X вв. Представляется, что славянизация богослужения западных областей Первого Болгарского царства и создание юго-западного извода древнего церковнославянского языка стали одним из инструментов «западной экспансии» болгарского царя Михаила-Бориса, в ходе которой происходило в том числе формирование и становление славянских епископий и епархий (в частности, епископии Климента).
3. Редактирование и дополнение архаического корпуса праздничной минеи до полной повседневной минеи происходило в Первом Болгарском царстве после «эпохи Климента», о чём свидетельствует смена языковых стратегий: во-первых, переводы второго, младшего, древнеболгарского корпуса отличаются иным способом перевода как отдельных греческих лексем, так и целых словообразовательных моделей (М. Йовчева), во-вторых, младшие переводы и редакции ориентированы на пословный перевод и последовательное морфемное калькирование греческих лексем, благодаря чему в рукописях древнейших церковнославянских миней появляется значительное количество гапаксов — по преимуществу структурных калек. Младшая древнеболгарская группа текстов минеи характеризуется, по всей видимости, инновациями в области морфологии. Типологическим образцом древнейшей полной церковнославянской минеи остаётся архаический региональный тип византийской минеи. Появление младших древнеболгарских текстов архаического регионального типа свидетельствует о начавшейся византизации славянского богослужения в эпоху Симеона, сменившего «вектор внешней политики» в сторону Константинополя.

4. На рубеже десятого — одиннадцатого веков по архаическому византийскому образцу константинопольского типа складывается позднеревнеболгарская полная служебная минея, которая легла в основу древнерусских служебных миней, отредактированных с использованием норм богослужебного Устава патриарха Алексия Студита. Многочисленные литургические особенности этих миней, противоречащие этому уставу, свидетельствуют о том, что в основе студийского корпуса полных миней лежит корпус позднеревнеболгарского происхождения (А.М. Пентковский). Графико-орфографические особенности древнерусских рукописей — свидетелей этого корпуса доказывают, что и он имеет юго-западнославянское происхождение. На Руси в течение XI в. было проведено редактирование позднеревнеболгарского корпуса, которое осуществлялось с привлечением греческих оригиналов, однако масштабы этой правки установить не удаётся, ясно лишь, что она носила далеко не всеобъемлющий характер.
5. В результате экспансии и унификации студийских традиций в XI—XIII вв. в византийском литургическом ареале формируется новый тип служебной минеи. В результате взаимодействия с этим типом складываются служебные минеи среднеболгарского и древнесербского изводов XIII—XIV вв., предшествующие появлению Иерусалимского устава. Среднеболгарские служебные минеи нового типа представлены неоднородной в языковом и текстологическом отношении группой рукописей, сочетающих в себе как древнейший пласт — оригинальные службы школы Климента, Константина и Наума, — так и инновационный, проявляющийся, в частности, в ранее не известной литургической терминологии, обусловленной влиянием младших южноитальянских литургических традиций. С опорой на новый тип византийской минеи был выполнен также новый среднеболгарский перевод этой книги, сохранившийся во фрагментах. Древнесербская традиция нового типа византийской минеи засвидетельствована рукописями, отражающими влияние Евергетидского устава, который был введён в южнославянское богослужение Саввой Сербским.
6. Иерусалимский тип византийских служебных миней складывается в византийской гимнографии не позднее начала XIV в. Этим

же временем (первые два десятилетия XIV в.) датируется появление «иерусалимских» миней в южнославянской гимнографии афонского происхождения. Древнейшими свидетелями этого типа являются сербские минеи афонского происхождения, в которых, однако, на уровне орфографии усматривается влияние среднеболгарских протографов. С Афона иерусалимский тип минеи распространяется на Балканы и во второй половине четырнадцатого века становится единственным типом служебной минеи в южнославянской традиции.

Цели работы заключаются в разработке методов системного и комплексного параллельного анализа византийских и славянских гимнографических рукописных источников с использованием приёмов сравнительно-исторического лингвистического, палеографического, кодикологического и текстологического исследования.

Для достижения этих целей был поставлен ряд конкретных **задач**:

1. Определить репрезентативный корпус византийских и церковнославянских гимнографических рукописей.
2. Сформулировать состав общих формальных признаков, необходимых для историко-типологической классификации источников.
3. Собрать палеографические данные об использованных рукописях с целью их датировки и локализации.
4. Описать жанровый состав и структуру византийских и церковнославянских служебных миней XI—XIV вв.
5. Сравнить византийско-славянские служебные минеи XI—XIV вв. с архаическими гимнографическими сборниками палестинской традиции VIII—IX вв.
6. Определить формальные языковые признаки, необходимые для лингвистической дифференциации церковнославянской гимнографической традиции по региональному и временному признакам.
7. Определить узуальные языковые элементы на уровне лексики и грамматики, характерные для разновременных изводов и редакций служебных миней.
8. Определить языковые элементы диалектного происхождения на уровне лексики и фонетики, представляющие собой отклонения и от книжного узуса и позволяющие тем самым локализовывать гимнографические тексты.

9. Осуществить реконструкцию ряда церковнославянских гимнографических текстов, позволяющую выявить разные временные, в том числе архаические, пласты в младших рукописях.
10. Определить значимость церковнославянских служебных миней для реконструкции утраченных звеньев византийской традиции.

Исследование **выполнено на материале** более 100 византийских и церковнославянских (древнерусских, древнесербских, древне- и среднеболгарских) рукописных источников (единиц хранения) VIII—XIV вв. Кроме того, к исследованию привлечён материал изданных памятников письменности, данные сравнительных и исторических грамматик славянских языков, историко-лексикографические и этимологические данные.

При работе с языковым материалом использовались следующие **методы** исследования: сравнительно-исторический метод, историко-лексикографический метод, методы сравнительного текстологического и палеографического анализа.

Теоретическая значимость работы заключается, во-первых, в том, что в ней даётся сопоставительный анализ церковнославянско-византийской рукописной традиции, позволяющий установить общие закономерности формирования изводов и редакций церковнославянского языка в контексте взаимодействия с византийским влиянием на средневековую славянскую письменность. Во-вторых, в работе предлагается новый подход к исследованию средневековых рукописных источников разных языков и изводов, основанный на единой системе формальных языковых (для церковнославянских рукописей) и текстологических признаков. Наконец, в-третьих, общетеоретический интерес представляют предложенные методы классификации древних славянских языковых школ и литературных традиций, основанные на соотношении лингвистических и текстологических признаков. Результаты, полученные на сравнительном материале церковнославянских гимнографических рукописей среднеболгарского, древнесербского и древнерусского изводов и их византийских прототипов, представляют интерес для сравнительно-исторической грамматики славянских языков, славянской исторической лексикологии и лексикографии, истории литературы. Разработанные автором методы сравнительного лингвотекстологического исследования разных национальных традиций могут быть

применены к анализу других памятников и групп текстов в составе церковнославянской переводной письменности.

Практическая значимость работы состоит в том, что в ней представлено лингвотекстологическое описание церковнославянских гимнографических корпусов XI—XIV вв. и установлены их византийские историко-типологические прототипы. Результаты исследования могут быть использованы при каталогизации церковнославянских и византийских рукописей, при подготовке энциклопедических и иных научных и научно-популярных справочных изданий, в исторической лексикографии национальных славянских языков и церковнославянского языка разных изводов, в историко-литературных исследованиях, в дидактике.

Основные положения диссертации прошли **апробацию** на следующих **международных научных мероприятиях**: II Международная конференция «BraSlav 2» (Bratislavá, Univerzita Komenského, Filozofická fakulta, 13.–14. XI. 2003); доклад в: София, Кирило-Методиевски научен център към БАН, Март 2005; доклад в: Wien, Institut für Slawistik der Universität Wien, 5. Mai 2005; Международная конференция «Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit» (Bonn, Patristische Kommission der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 7.–10. Juni 2005); доклад в: Универзитет у Београду, филозофски факултет, март 2006; Международная конференция «Россия — Афон: Тысячелетие духовного единства (к 450-летию со дня успения прп. Максима Грека)», Москва, 1–4 октября 2006; Круглый стол «Западная Болгария и восточные славяне в 10–12 вв.» (Москва, ИРЯ РАН, 19.IV.2008); лекция в: The St.-Louis University [St.-Louis MO, USA], Center for Medieval and Renaissance Studies, College of Arts and Sciences, 29th of October 2008; Международная конференция и школа «Письменное наследие и современные информационные технологии» (Ижевск, Технический университет, 12–15. X. 2009); Международная конференция «Синайский кодекс: Рукопись в современном информационном пространстве» (С.-Петербург, РНБ, 12–13.XI.2009); Kolloquium zur slawistischen Linguistik, Seminar für Slavische Philologie, Georg-August-Universität Göttingen, 11. Dezember 2009); 8. Altslawistentreffen (Berlin, Humboldt-Universität, 18.–19. Februar, 2010); лекция по приглашению в: Università degli Studi di Firenze, Facolta di lettere e filosofia,

dipartimento di Linguistica, 27.IV.2010; лекция по приглашению в: Università di Udine, Dipartimento di lingue e civiltà dell'Europa centro orientale, 29. 29.IV.2010; Kolloquium zur slawistischen Linguistik, Seminar für Slavische Philologie, Georg-August-Universität Göttingen, 30. Juni 2010; Nish and Byzantium. 10th International Symposium (Nish, 3th-5th of June 2011); Международная конференция «Интерпретация текста в культуре Христианского Востока: перевод, комментарий, поэтическая обработка» (Гос. Эрмитаж, С.-Петербург, 14–16. IX.2011); I Международная конференция «Not Only: теория и практика междисциплинарных гуманитарных исследований» (Москва, МГПИ, 7–8.II.2012); Международная конференция «Афон и славяне: К 1000-летию присутствия славян на Афоне» (Белград, 16–18.V.2013); Международная конференция «Кириллометодиевска традиција и македонско-руските духовни и културни врски» (Охрид, Македония, 3–4.X.2013); Международная конференция «История русского языка и культуры», посвящённая памяти В.М. Живова (Москва, ИРЯ РАН, 18–20.X.2014).

Логика решения исследовательских задач отражена в **структуре диссертации**. Диссертация состоит из пяти частей. В первой, включающей четыре главы, проводится сравнительный анализ исторических типов византийских и славянских служебных миней, устанавливается текстологическое ядро и текстологическая периферия церковнославянского корпуса полных миней, рассматриваются проблемы установления греческих оригиналов славянских миней. Во второй части, также состоящей из четырёх глав, рассматриваются языковые особенности текстологических пластов церковнославянских миней. Третья часть посвящена проблемам адаптации византийской метрики в церковнославянской гимнографии. В четвёртой части церковнославянская гимнография рассматривается как источник для реконструкции утраченных фрагментов византийской традиции.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** раскрывается актуальность темы исследования, описывается история вопроса, определяются цели и задачи работы, раскрывается её научная новизна, описываются теоретическая и практическая значимость диссертации, методы и источники ис-

следования, перечисляются основные положения, выносимые на защиту, сообщаются сведения об апробации результатов диссертации, излагается её структура.

В первой части («Византийские источники славянских служебных миней»), состоящей из четырёх глав, проводится сопоставительный анализ состава и структуры византийских и славянских миней, рассматриваются проблемы установления греческих оригиналов славянской традиции. **В первой главе** («Предыстория миней: палестинский тропологий на славянском фоне») описываются содержательные и структурные особенности архаических унциальных гимнографических сборников и фрагментов палестинского происхождения, устанавливаются некоторые их сходства с древнейшей славянской традицией и вместе с тем доказывается невозможность восхождения церковнославянских миней к рассмотренному древнейшему палестинскому корпусу.

Архаические синайские сборники, типологически более ранние, чем служебная миная, триодь, октоих и ирмологий, являются важнейшими свидетелями палестинского богослужения доиконоборческого и иконоборческого периодов. Они определяют *terminus post quem* того исторического момента, когда славянская гимнография присоединяется к греческой традиции. Значение новонайденных сборников для славянской литургической поэзии преимущественно «апофатическое»: они сообщают то, с чем славянская гимнография не связана. Об отсутствии прямой зависимости славянской традиции от архаической палестинской свидетельствует ряд особенностей, выявленных в синайских сборниках.

- 1). Богослужебный порядок расположения песнопений, который на славянской почве является инновацией, засвидетельствованной в качестве основного структурного принципа не ранее тринадцатого века; в древней славянской традиции принят, хотя и с некоторыми исключениями, пожанровый принцип расположения песнопений.
- 2). Жанровый состав песнопений, маркирующим признаком которого являются общие седальны, неизвестные в славянской традиции, которые, в соответствии с палестинской практикой, представляют собой монострофные гимны на тему конкретного праздника (описаны А.Ю. Никифоровой).

- 3). Терминологические признаки архаической палестинской традиции, к которым относятся: а) неизвестная на славянской почве система обозначения гласов, когда первые четыре гласа называются *аутентическими* (эта традиция известна также в гимнографии западного обряда); славянская традиция счёта гласов восходит к византийской (непалестинской) практике, и, в архаической своей части, передаёт греческое $\mu\lambda\acute{\alpha}\gamma\iota\omicron\varsigma$ словом *искрь*; в младшей славянской традиции, восходящей, как и архаическая, к южнославянской гимнографии эпохи Первого Болгарского царства, термин *искрь* не употребляется, что свидетельствует о формировании на основе византийской (непалестинской) традиции особой славянской системы счёта гласов; б) регулярное отсутствие обозначения монострофных гимнов, называемых в более поздней традиции терминами *тропарь* и *стихира*, а также неупорядоченное употребление этих терминов вне очевидной зависимости от литургической позиции.
- 4). Структура палестинского тропология младшей разновидности, в частности, расположение в нём служб подвижного и неподвижного циклов, которое не имеет композиционных параллелей в славянской гимнографии, несмотря на попытки установить таковые в Ильиной книге и Пражских фрагментах; гипотеза о существовании славянского тропология не находит подтверждения.
- 5). Палестинский тропологий младшей разновидности существовал в окружении дополнительных гимнографических сборников, которые содержали гимны, отсутствовавшие в тропологии; эти сборники можно рассматривать как функциональные прототипы более поздних стихираря, ирмология и минеи: «стихирокафизматарь», или «протостихирарь»; сборник «ирмологий и богородичны», или «протоирмологий»; «протоминея», или «миней дополнительная». В славянской традиции следов этих сборников нет.
- 6). Не имеют параллелей в славянской и в известной на сегодняшний день византийской гимнографии также календарные особенности палестинской «протоминеи».
- 7). Содержание и авторский состав сборников, многие гимны в которых представляют собой *textus unicus*.

Уникальная терминологическая параллель *κανών* = *канонь* ‘служба’, отмеченная между сборниками архаической палестинской традиции и общими службами Климента Охридского, на фоне глубинного структурного различия между синайскими сборниками и славянской традицией выглядит объяснимым исключением, реликтом, заимствованным в славянскую гимнографию из непалестинского источника. Системный характер этого исключения, свойственного всем всем общим службам Климента Охридского в версии Кодекса Ганкенштейна, не позволяет считать эту особенность случайностью. Скорее всего, мы имеем дело с некоей реликтовой традицией в пределах византийского литургического ареала, не соответствующей тому, что мы наблюдаем в самых ранних служебных минеях, и более близкой к палестинской архаике.

Исключительным реликтом является уникальный пример обозначения богородична с помощью зачала, отмеченный в Ильиной книге и соответствующий древней палестинской практике, где богородичные заимствовались из сборника «ирмологий и богородичны». Едва ли мы должны видеть в этом явлении типологическую особенность, единичность примера свидетельствует скорее в пользу случайности. Употребление богородичных тропарей как постоянного структурного элемента гимнографического канона в студийской традиции свидетельствует об отсутствии сборника «ирмосы и богородичны» в константинопольской гимнографии уже в девятом веке. Реликтовое обозначение богородична в виде зачала в Ильиной книге должно быть, таким образом, отзвуком какой-то неконстантинопольской или нестудийской практики.

Важными и надёжными структурными параллелями между славянской и палестинской традициями являются интерполяция второй песни в восьмипесенные каноны палестинских авторов и переводных богородичных тропарей в оригинальные каноны Климента Охридского и Константина Болгарского. Судя по творчеству византийского гимнографа Климента, автора студийской школы начала девятого века, эта практика была какое-то время распространена за пределами Палестины.

Дополнение переводными богородичными тропарями оригинальных славянских канонов Климента Охридского и Константина Болгарского отражало греческую практику, активную, по крайней

мере, ещё в начале десятого века. Исконное отсутствие богородичных тропарей в канонах славянских авторов на рубеже IX—X вв. свидетельствует об опоре на относительно архаичные структурные образцы палестинского происхождения. Такое «запаздывание» славянской традиции свидетельствует о воспроизведении ими неких локальных литургических традиций, не палестинских, как следует из сопоставления с архаической палестинской гимнографией, но и не константинопольской, где богородичные тропари входят в состав гимнографического канона не позднее девятого века.

Во **второй главе** («Историческая типология византийских и славянских служебных миней IX—XIV вв.») предлагается историческая типология византийских и славянских миней, основанная на их жанровом составе и структуре. Анализ византийских и церковно-славянских служебных миней IX—XIV вв. (и отчасти XV—XVI вв.) позволил разделить их на четыре историко-типологические группы: архаическая региональная, архаическая константинопольская, новая и иерусалимская («новосавваитская»). Первые три датируются временем становления, распространения и господства уставов студийской группы в византийском литургическом ареале. Древнейшие служебные минеи сложились в Константинополе на основе константинопольских синаксарей, образовавших «эортологическое ядро» (А.Ю. Никифорова) этого гимнографического сборника. Самые старшие свидетели архаического типа имеют палестинское происхождение и относятся к региональной группе. Древнейшие свидетели архаического константинопольского типа датируются одиннадцатым столетием. Структурные особенности наиболее древних по языку и по составу славянских служебных миней заставляют отнести их к архаическому региональному, неконстантинопольскому, типу. Самые ранние славянские свидетели архаического константинопольского типа — древнерусские служебные минеи одиннадцатого столетия, в которых имеются следы редактирования в соответствии с нормами Устава патриарха Алексия Студита.

Новая историко-типологическая группа, засвидетельствованная византийскими рукописями одиннадцатого и в особенности тринадцатого — четырнадцатого веков, представлена южнославянскими служебными минеями четырнадцатого столетия, которые отражают влияние евергетидских или младших италогреческих

традиций. Иерусалимская группа византийских служебных миней складывается в византийской гимнографии не позднее четырнадцатого века. Началом четырнадцатого века датируется появление «иерусалимских» миней в южнославянской гимнографии афонского происхождения. С Афона иерусалимский тип миней распространяется на Балканы и во второй половине четырнадцатого века становится единственным типом служебной миней в южнославянской традиции.

Третья глава («Среднеболгарский перевод византийской миней XIII—XIV вв.») посвящена новооткрытому среднеболгарскому переводу служебной миней, который датируется XIII — началом XIV в. и сохранился в нескольких фрагментах. Перевод является результатом становления или восстановления церковнославянской гимнографии византийского обряда во Втором Болгарском царстве в эпоху до распространения Иерусалимского устава. В основу перевода положен новый тип византийской миней.

В четвёртой главе («Текстологическое ядро и *textus unicus* славянской служебной миней») на материале служебных миней на август описываются текстологическое ядро и уникальные тексты византийско-славянской служебной миней и доказывается, что описанные во второй главе типы византийской и славянской служебной миней основаны на корпусе текстов, созданных и собранных на основе константинопольской традиции, по-разному воспринятой в разных частях византийско-славянского литургического ареала. Прямое влияние текстов архаической палестинской гимнографии, описанных в первой главе, и младших текстов италогреческой гимнографической школы в славянской традиции не прослеживается.

Во второй части («Лингвистический анализ памятников славянской гимнографии») описываются языковые особенности церковнославянской гимнографии архаических типов. **В первой главе** («Лексический узус»), в первом разделе, описывается праславянский семантический диалектизм *врѣста* ‘пара’ и его производные, распространённые в гимнографии и некоторых текстах, близких к кирилло-мефодиевской традиции, доказывается юго-западный диалектный характер этого диалектизма.

Во втором разделе («Старославянское *трѣба* и его связи») описывается употребление терминов *жрѣтва* и *трѣба* в древних церковно-

славянских текстах, доказывається, что если *жрътва* является своего рода культурно нейтральным термином, то *трѣба* употребляется по преимуществу по отношению к нехристианским священнодействиям. Исключением является древневосточноболгарский преславский книжный узус, где слово *трѣба* может употребляться по отношению к христианским священнодействиям и даже к Св. Дарам. Гимнографические тексты следуют традиционной практике, не затронутой в данном случае преславским влиянием.

В третьем разделе («Древние славянские служебные минеи как лексикографический источник») описываются гапаксы древнейших славянских служебных миней на август, предлагается анализ их структуры и семантики, показывается, что основную группу гапаксов составляют морфемные кальки, в том числе тривиальных греческих лексем, что указывает на сознательную установку на по-морфемно точное калькирование оригинала. Предполагается, что если литературный язык «является орудием духовной культуры» (Н.С. Трубецкой), то древний церковнославянский язык, созданный во многом благодаря подстрочным, «калькирующим», переводам, является одной из форм подражания византийской культуре, в связи с чем древний церковнославянский язык определяется как «язык-подражание» или «язык подражания». Понятие церковнославянского языка как «языка подражания» является своего рода расширенным вариантом определения «церковнославянского как конструкта» (Г. Кайперт): если «конструкт» предполагает создание или заимствование языковых элементов для выражения отсутствующего в культуре содержания, то «подражание» означает моделирование и использование таких языковых вариантов, которые построены по образцу языка доминантной культуры, несмотря на наличие в воспринимающем языке собственных, независимых от языка этой культуры вариантов. Представление о церковнославянском как о «языке-подражании» не может быть в равной мере применимо ко всем его региональным и временным изводам. Языковое подражание в такой мере, в какой мы наблюдаем его в переводных служебных минеях, не было свойственно текстам оригинальной южнославянской гимнографии эпохи Первого Болгарского царства. Подражание византийским образцам в творчестве Климента Охридского, Константина Болгарского и Наума Охридского происходило не за

счёт воспроизведения в узком смысле языковых, то есть собственно *лингвистических* (морфемных, словообразовательных, лексических) особенностей греческих текстов, а осуществлялось прежде всего на уровне поэтики, например, в виде усвоения и активного воспроизведения и парафразирования жанровых форм, топосов, акростихов и метрики. Историческая динамика стиля древнейшей славянской гимнографии определяется переходом от подражания поэтической форме к подражанию лингвистическому, от «вольного» поэтического переложения или парафразы оригинального греческого текста — к его «подстрочнику» (аналогичные наблюдения были ранее высказаны Д. Кристианс).

Во второй главе («Орфография рукописи в ряду текстологических примет») рассматриваются графико-орфографические явления служебных миней древнерусского извода, представляющие собой отклонения как от восточнославянского, так и от южнославянского книжного узуса и указывающие тем самым на прямое влияние протографов юго-западного происхождения. Доказывается, что к древнему юго-западному диалектному ареалу восходит также южнославянский протограф Путятиной минеи, в котором не усматривается следов древневосточноболгарского влияния.

В третьей главе («Древнеболгарский пласт в ростовской служебной минее XIII в.») рассматривается проблема языковой и текстологической неоднородности древнерусского студийско-алексиевского корпуса, в котором выявляются не прошедшее редактирование элементы раннедревнеболгарского происхождения, восходящие к древнейшему пласту традиции текста.

Одновременно с древнерусским студийско-алексиевским гимнографическим корпусом в литургическом употреблении на Руси находились рукописи, полностью либо во многом не соответствующие требованиям Устава патриарха Алексия Студита. К числу таких рукописей относится праздничная минея особого состава F. п. I 37, написанная в начале тринадцатого века в ростовском владычном скриптории. Календарные особенности этой минеи, а также состав и расположение жанров отражают студийско-алексиевскую богослужебную практику. В рукописи F. п. I 37 отсутствуют древние графико-орфографические и морфологические формы, что естественно для древнерусской рукописи тринадцатого века и свиде-

тельствует о длительном бытовании текста на восточнославянской почве. Главной особенностью минеи F. п. I 37 являются языковые особенности некоторых фрагментов её текста, отражающие более архаичную редакцию, чем студийско-алексиевские минеи, а также гимны, отсутствующие в древнерусской студийско-алексиевской традиции. К числу языковых особенностей относится 1) использование безаффиксных отглагольных дериватов — *nomina actionis* в соответствии с абстрактными суффиксальными существительными в студийско-алексиевской традиции; 2) использование дуративов и вторичных имперфективов на *-ова-/-ева-* в соответствии с более нейтральными образованиями без этих суффиксов в студийско-алексиевских минеях; 3) использование грецизмов в соответствии со славянскими лексемами в студийско-алексиевских минеях; сюда же относится заимствование корневой морфемы в составе реконструированного композита **стадиотечъць* (*στανιδιότης*), который сам по себе отражает несоответствие традиционному способу передачи греческого *στανιδιον* в метафорическом значении ‘место пыток и казни мучеников’ славянским *сждище*; 4) использование регионализма *изъщъныи* и родственных ему слов, характерных для юго-западнославянского языкового узуса, в соответствии с лексемами с корнем *дobl-* в студийско-алексиевских минеях.

На фоне языковых архаизмов особенно выразительным является редчайший древний славянский перевод канона Предпразднству Успения пресв. Богородицы *Ко гробу дѣвопрятному*, который сохранился в единственном списке F. п. I 37. Все прочие свидетели славянской традиции этого канона отражают более поздний перевод, выполненный в ходе литургической реформы XIV в., регламентировавшей богослужение по Иерусалимскому уставу. Комментированное издание древнего перевода и его греческого оригинала позволило выявить не только ещё один ранее неизвестный фрагмент древнеболгарской гимнографической традиции, но и описать ряд явлений, характеризующих технику перевода славянской гимнографии. К ним относятся, во-первых, межъязыковая паронимия как приём перевода, при котором для передачи греческого слова используется созвучное греческому славянское слово, отличающееся от оригинала по значению, во-вторых, изменение порядка слов в древнем переводе, в особенности связанные с расположением

энклитик в соответствии с законами славянской просодии (нет полной уверенности, что это является особенностью именно перевода, а не изменения в процессе его позднейшего бытования), в-третьих, тенденция к структурному калькированию на словообразовательном уровне, в соответствии со случаями описательного перевода в позднем переводе, в-четвёртых, употребление в древнем переводе прилагательного для передачи греческого родительного приимённого в соответствии с родительным или дательным падежами в младшей («иерусалимской») версии.

Сопоставление двух переводов одного и того же греческого канона, сделанных в разной культурно-исторической ситуации, позволяет сделать вывод, что как «грецизация», так и «славянизация» свойственны обоим переводам, однако на разных языковых уровнях.

В четвёртой главе («Текстологические пласты в древних славянских кондаках») на материале кондаков Димитрию Солунскому и Пренесению Убруса и с помощью их лингвистического анализа, выполненного на материале южнославянских и древнерусских рукописей, устанавливаются этапы истории их текста, соответствующие раннедревнеболгарскому, позднедревнеболгарскому и, в случае с кондаком Димитрию Солунскому, древнерусскому периодам; предлагается реконструкция первоначальных версий этих текстов.

Третья часть («Ритм и метр церковнославянской гимнографии») посвящена метрическим особенностям славянской гимнографии, отражающим метр византийских оригиналов, построенных на изосиллабизме и гомотонии.

Изосиллабические, и в том числе гимнографические, тексты характеризуют древнейший период церковнославянской письменности, в том числе гимнографии, эпохи Первого Болгарского царства. Они сохраняются или даже продолжают создаваться в поздней, в частности, в древнерусской традиции только в тех случаях, если они соответствуют принципам пословного перевода (кондак Рождеству Христову, одна из стихир свв. Борису и Глебу) или если их греческий оригинал отсутствует (например, «Азбучные молитвы» и «Похвала царю Симеону») или был рано утрачен (канон Кириллу Философу). Древнерусские редакторы были осведомлены об осо-

бенностях метрической организации византийской гимнографии и обладали достаточной квалификацией для того, чтобы соотносить изосиллабизм и пословный морфологически точный перевод, жертвуя при необходимости первым в пользу второго.

Вытеснение парафрастических изосиллабических переводов и обобщение практики нестихотворного пословного перевода в славянской гимнографии сопровождается становлением у восточных славян византийской по происхождению музыкальной традиции. Едва ли, однако, музыкальное исполнение богослужебных гимнов в славянском богослужении и развитие славянской церковной музыки является причиной утраты традиции стихотворного перевода: как метрические, так и нестихотворные гимны могли с равным успехом исполняться по византийским музыкальным образцам. Вытеснение парафрастических переводов имеет причины литературно-языкового свойства и является результатом обобщения принципа пословного перевода, который в целом определяет облик славянской и вообще средневековой переводной литературы религиозного содержания, прежде всего Священного Писания и догматических сочинений. Музыкальное исполнение церковнославянских гимнов является внеязыковой компенсацией утраченных на славянской почве поэтических особенностей оригинала, но никак не причиной целенаправленного замещения парафрастических стихотворных переводов пословными «прозаическими».

Южнославянские гимнографические рукописи представляют собой ценный материал для сравнительно-исторической реконструкции древнеболгарского архетипа, однако значимость их «свидетельских показаний» для понимания древней традиции нельзя переоценивать. Разрывы в рукописной традиции церковнославянской гимнографии, в особенности южнославянской, приводят к существенным утратам и порчам в рукописной традиции гимнографических текстов. До начала афонско-тырновской реформы на славянском юге гимнографические тексты могли восстанавливаться и редактироваться без опоры на византийские оригиналы (речь идёт о языковой правке, а не о литургической, т. е. о перераспределении в составе служебных миней старых текстов в соответствии с меняющимися богослужебными требованиями). Как правило, «редактирование» представляло собой попытку более или менее связного

переложения испорченных текстов. «Исправленные» таким образом гимны требуют реконструкции, сопоставления с византийскими и древнерусскими источниками, что позволяет отделить поздние и вольные переосмысления, вызванные недостатком филологической культуры славянских книжников, от истинных свидетельств «золотого века» древнеболгарской литературы.

Одним из этих свидетельств является отмеченное в церковнославянской кондакарной строфике деление на «большие» и «малые строки», то есть одной строки на колоны. Сохранение византийского изосиллабизма в славянских кондаках засвидетельствовано только во вступительных строфах, проимиях. Использование разных приёмов перевода в проимие и в икосах (последние в диссертации не рассматривались), которые, соответственно, сохраняют или не сохраняют изосиллабизм оригинала, свидетельствует о текстологическом шве между вступительной и прочими строфами славянских кондаков.

Пятая часть («Славянские служебные минеи как источник по византийской гимнографии») посвящена реконструкции утраченных фрагментов византийской традиции. Первая глава («Византийский песнописец Георгий в свете славянских данных») посвящена реконструкции акростиха в греческом оригинале славянского перевода канона Пренесению Убруса. Реконструированный с помощью обратного перевода с церковнославянского на греческий фрагмент акростиха содержит имя Георгия — одного из многих византийских гимнографов с таким именем, которому на основании уникальных стилистических особенностей приписывается около пятнадцати канонов. Событие, которому посвящён канон Пренесению Убруса, произошло в 944 г., эта дата позволяет определить приблизительное время жизни византийского автора: середина десятого века.

Вторая глава («Нарах legomenon λιψίς и его славянский перевод») посвящена толкованию греческого гапакса λιψίς, который отмечен единственный раз в одном из кондаков Иоанну Златоусту и толкование которого ('палантин, широкий шарф') сопровождается в исторической лексикографии греческого языка византийского периода знаком вопроса. Фрагмент этого кондака известен также в древнем церковнославянском переводе, сохранившемся в един-

ственной рукописи сербского извода (РГБ, Унд. 75), в которой греческий гапакс передан славянским словом *grivъna* 'ожерелье', что позволяет расширить диапазон возможных определений слова λικ-βίς.

В Заключении сделаны подведены выводы исследования, соответствующие выносимым на защиту основным положениям диссертации.

Основное содержание диссертации
отражено в следующих публикациях

**Публикации в рецензируемых научных журналах
из перечня ВАК или входящих
в системы индексирования SCOPUS и Web of Science:**

1. Zur Bedeutung kirchenslavischer Übersetzungen für die historische Lexikographie des Griechischen: Das *hapaх legomenon λυβίς vs. зривъна ‚Halskette‘* // Die Welt der Slaven. 2014. LIX/1. S. 82–94.
2. Древнеболгарский пласт в ростовской служебной Минее XIII в. (РНБ, Ф. п. I 37) // *Slověne = Словьне. International Journal for Slavic Studies*. 2012. Vol. 1/1. С. 145–221.
3. A Typology of Byzantine Office Menaia of the 11th – 14th cc. // *Scrinium. Journal of Patrology, Critical Hagiography, and Ecclesiastical History*. Vol. 7–8: *Ars Christiana. In memoriam Michail F. Murianov (21.XI 1928 – 6.VI 1995)*, Part 2 / R. Krivko, B. Lourié, A. Orlov (eds.). Piscataway NJ, 2011–2012. P. 3–68.
4. Notes on the Description of the Office Menaia in the «Catalogue of Greek Medieval and Renaissance Manuscripts in the Collections of the United States of America // *Scrinium. Journal of Patrology, Critical Hagiography, and Ecclesiastical History*. Vol. 7–8: *Ars Christiana. In memoriam Michail F. Murianov (21.XI 1928 – 6.VI 1995)*. Part 2 / R. Krivko, B. Lourié, A. Orlov (eds.). Piscataway NJ, 2011–2012. P. 341–348.
5. Preface // *Scrinium. Journal of Patrology, Critical Hagiography, and Ecclesiastical History*. Vol. 7–8: *Ars Christiana. In memoriam Michail F. Murianov (21.XI 1928 – 6.VI 1995)*. Part 1 / R. Krivko, B. Lourié, A. Orlov (eds.). Piscataway NJ, 2011–2012. P. xiv–xv.
6. Перевод, парафраз и метр в древних славянских кондаках. II: Критика, история и реконструкция текстов // *Revue des études slaves*. 2011. Т. LXXXII/4. С. 715–743.
7. Перевод, парафраз и метр в древних славянских кондаках. I: Метрика древней церковнославянской поэзии в исследованиях XIX–XXI вв. // *Revue des études slaves*. 2011. Т. LXXXII/2. С. 169–202.

8. [Рецензия на:] Die großen Lesemenäen des Metropoliten Makarij. Uspenskij spisok. 1.–8. Mai / Hrsg. E. Weiher, S.O. Šmidt, A.I. Škurko. Unter Mitarbeit von Th. Daiber, V. Halapats, F. Keller, N. Kindermann, N.A. Kobjak, Ch. Koch, L.M. Kostjuchina, E. Maier, T. Mostrova, U. Müller, A.I. Pliguzov, E.I. Serebrjakova, E.V. Šul'gina, Ch. Voss, H. Warkentin, E. Weiher. [Teil 1: Text; Teil 2: kritischer Apparat] (= Monumenta Linguae Slavicae dialecti veteris. T. LI: Die Grossen Lesemenäen des Mitropoliten Makarij. 1.–8. Mai. Bd. 1; T. *LI: Kritischer Apparat / Hrsg. unter der Leitung von E. Weiher). Freiburg i. Br.: Weiher, 2007. – [Teil 1:] CX S. + 639 S., [Teil 2:] *XVI S. + 210* S.] // Славяноведение. 2010. № 2. С. 126–132.
9. [Рецензия на:] Incipitarium liturgischer Hymnen in ostslavischen Handschriften des 11. bis 13. Jahrhunderts. Besorgt von D. Stern / Hrsg. von H. Rothe (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 118/1–3. Patristica Slavica. Bd. 16/1–3). Paderborn; München; Wien; Zürich: Ferdinand Schöningh, 2008. Teil I: А–И — XXX S. + 795 S.; Teil II: К–П — 736 S.; Teil III: Р–Θ — 797 S. // Русский язык в научном освещении. 2009. № 1/17. С. 289–295.
10. Церковнославянская параллель к стихотворению О.Э. Мандельштама «Среди священников левитом молодым...» // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, серия III: Филология. 2008. № 2/12. С. 81–85.
11. Синайско-славянские гимнографические параллели // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III: Филология. 2008. № 1/11. С. 56–102.
12. Толкование библейских аллюзий в древнеславянской переводной гимнографии: (1Цар 2. 18–19 в неопубликованной стихире прор. Самуилу) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, серия III: Филология. 2007. № 1/7. С. 138–153.
13. Теория критики текста и эдичионная практика: (К выходу в свет нового издания Повести временных лет: The *Povest' vremennykh let*. An Interlinear Collation and Paradosis. Comp. and Ed. by D. Ostrowski. Ass. Ed.: D.J. Birnbaum. Senior Consultant: H.G. Lunt // Harvard Library of Early Ukranian Literature. Texts. Vol.X, Pt 1. — I–LXXXIV, 1–690 P Pt 2. — LXXXV–CLXVI, 691–1372 P. Pt.3. —

- CLXVII–CXCII, 1373–2166. Cambridge MA: Harvard University Press for the Harvard Ukrainian Research Institute, 2003) // *Russian Linguistics*. 2005. Vol. 29/2. С. 243–278.
14. Графико-орфографические системы Бычковско-Синайской псалтири. II // *Русский язык в научном освещении*. 2004. № 2/8. С. 170–200.
 15. Графико-орфографические системы Бычковско-Синайской псалтири. I // *Русский язык в научном освещении*. 2004. № 1/7. С. 80–124.
 16. Функции буквы У [ижица] в древних славянских рукописях (преимущественно на материале Бычковско-Синайской псалтири) // *Russian Linguistics*. 2004. Vol. 28/3. С. 317–359.
 17. История слова *полиелей* в русском языке [I] // *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. 2002. № 3/9. С. 69–78.
 18. История слова *полиелей* в русском языке [II] // *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. 2002. № 4/10. С. 37–47.
 19. Древнерусская орфография XI — начала XII века в свете суперсегментных тембровых оппозиций // *Вопросы языкознания*. 1998. № 2. С. 60–79.
 20. «*Полиелей* синодальной униформы» // *Русская речь*. 1996. № 4. С. 103–108.

Монография

21. *Очерки языка древних церковнославянских рукописей*. Москва: «Индрик», 2015. — 434с.

Публикации в журналах, сборниках статей, материалах конференций

22. Лингвистические заметки к «Учительному евангелию» и «Сказанию церковному» // *Зборник на трудови од Меѓународниот научен собир «Кирилometодиевската традиција и македонско-руските духовни и културни врски»*, организиран по повод 1150 години од Моравската мисија и од словенската писменост, Охрид, 3–4 октомври 2013. Скопје, 2014. С. 129–140.
23. Славянские служебные минеи как источник по византийской гимнографии // *Христианский Восток. Новая серия = Christian East. New Series*. Т. 6/ХII. С.-Петербург, Москва, 2013. С. 378–390.

24. Старославянское *трѣба* и его связи // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика. Слово и текст / В.С. Ефимова (ред.). Москва, 2012. С. 255–267.
25. A Poetic Witness to Early Veneration of St. Helena and St. Constantine the Great among the Slavs // Ниш и Византија. Т. X. = Niš & Byzantium. Vol. X. Симпозиум, Ниш 3–5. јун 2011, зборник радова / М. Ракошија (ed.). Niš, 2012. С. 467–472.
26. Тропарь пренесению св. Убруса из Эдессы в Царьград: очерк по лингвистической герменевтике // Вестник Литературного института им. А.М. Горького 1: Hermeneumata. Сборник научных трудов к 60-летию доктора филологических наук, проф. А.М. Камчатнова. Москва, 2012. С. 74–85.
27. Древнерусская версия кондака вмч. Димитрию Солунскому и её южнославянские параллели // Лингвистическое источниковедение 2010–2011 / А.М. Молдован, Е.А. Мишина (ред.). Москва, 2011. С. 290–335.
28. Канон Успению Богородицы *Τάφῳ παρθενობόχῳ (Къ гробу дѣвопрятномуу)* в византийской и славянской гимнографии // *Studia mediaevalia Slavica et Byzantina*, 1: Погребението и смъртта в юдео-христианската литературна традиция / А. Милтенова (ред.). Sofia, 2011. С. 191–220.
29. *Сверстница* ‘супруга’ и *верста* ‘пара’ // Сборник научных трудов к 75-летию доктора филологических наук, профессора И.Г. Добродомова (= Лингвистическая герменевтика, 2). Москва, 2010. С. 66–72.
30. К лингвистическому источниковедению славянских служебных миней на август: данные афонских рукописей // Лингвистическое источниковедение 2006–2010 / А.М. Молдован, Ю.В. Кагарлицкий (ред.). Москва, 2010. С. 38–57.
31. Византийский песнописец *Георгий* в свете славянских данных // *Пѣние мало Гевргию*. Сборник в чест на 65-годишната на проф. дфн. Георги Попов / М. Йовчева (ред.). София, 2010. С. 167–189.
32. К истории второй песни гимнографического канона: Утраты и интерполяции // *Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina. Festgabe für Hans Rothe zum 80. Geburtstag* (= *Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe*, Bd. 3) / D. Christians, D. Stern, V. Tomelleri (Hrsg.). München, 2009. С. 229–242.

33. Византийские источники славянских служебных миней // Письменность, литература и фольклор славянских народов. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации / А.М. Молдован и др. (ред.). Москва, 2008. С. 76–101.
34. За гранью понимания: ошибки писца как причина догматического искажения переводного текста // Маргиналии 2008: периферия культуры и границы текста. Москва, 2008. С. 75–77.
35. Синайские унциальные гимнографические сборники и их значение для славянской традиции // *Jews and Slavs. Vol. 20: The Holy Land and the Manuscript Legacy of Slavs* / W. Moskovich, S. Nikolova, M. Taube, V. Željazkova (eds.). Sofia, Jerusalem, 2008. С. 317–339.
36. Язык и текст древнейших славянских служебных Миней за август // *Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit. Beiträge einer internationalen Tagung Bonn, 7.–10. Juni 2005 (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, Bd. 117. Patristica Slavica, Bd. 15)* / H. Rothe, D. Christians (Hrsg.). Paderborn, München, Wien, Zürich, 2007. С. 236–270.
37. Rekonstruktion der griechischen Akrostichis im Kanon auf das hl. Mandyllion: zur Bedeutung altkirchenslavischer Übersetzungen für die byzantinische Überlieferung // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 2006. Bd. 52. S. 63–84.
38. Фрагмент НБКМ 114 в истории переводов славянских служебных миней // *Scripta & e-Scripta. International Journal for Interdisciplinary Studies*. 2006. Vol. 3–4. С. 59–94.
39. Уточнение датировки древнейшего списка славянской служебной миней за август // Сборник в честь 70-летия профессора И.Г. Добродомова: Лингвистическая герменевтика, 1. Москва, 2005. С. 90–110.
40. Новые данные по древней церковнославянской лексикологии и лексикографии: (На материале древнейших славянских служебных миней за август) // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 2005. Bd. 51. С. 131–164.
41. Славянская гимнография IX–XIII вв. в изданиях и исследованиях 1985–2004 гг. // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 2004. Bd. 50. С. 203–233.

42. Из истории науки: вклад М.Ф. Мурьянова в славянскую гимнологию // BraSlav 2 (2003). Zborník z medzinárodnej slavistickej konferencie, kananej na Filozofickej fakulte Univerzity Komenského v Bratislave dňa 13. a 14. novembra 2003 / P. Žigo, E. Matejko (Hrsg.). Bratislava, 2004. С. 38–44.

Статьи в «Православной энциклопедии»

43. Екатерины св. монастырь. Рукописное собрание. Гимнографические рукописи греческого собрания. 2009. Т. 18. С. 200–201.
44. Екатерины св. монастырь. Рукописное собрание. Греческие рукописи. Т. 18. 2009. С. 197–200 (в соавторстве с Э. П. А. [sic!]).
45. Евпл, мч. Т. 17. 2008. С. 186–188.
46. Дубровского минея. Т. 6. 2008. С. 316–317.

Статьи в «Большой российской энциклопедии»

47. Кондак. 2010. Т. 15. С. 15.

Подписано в печать 14.06.2016
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Формат А4/2. Объем 2,2 п.л. Тираж 100 экз.
Типография «Белый ветер»
115054, г. Москва, ул. Щипок, д. 28
Тел. 8 (495) 651-84-56
<http://wwprint.ru/>

Подписано в печать 14.06.2016
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Формат А4/2. Объем 2,2 п.л. Тираж 100 экз.
Типография «Белый ветер»
115054, г. Москва, ул. Щипок, д. 28
Тел. 8 (495) 651-84-56
<http://wwprint.ru/>